

VI.

Въ маѣ или юнѣ 1352 года Боккаччо поѣхалъ въ Неаполь, въ надеждѣ устроиться тамъ подъ сѣнью Аччьяйоли, и по его вызову¹⁾, въ новомъ «Парнасѣ», гдѣ незадолго передъ тѣмъ объявился Заноби да Страда. Его имя намъ уже не разъ приходилось упоминать²⁾; попытаемся познакомиться съ нимъ ближе, хотя его образъ двоится, загадочная репутація ускользаетъ отъ определенія. Филиппъ Виллани такъ характеризуетъ его наружность, за которой невольно вычитываешь соотвѣтствующее психическое содержаніе: средняго роста, блѣдный, съ продолговатымъ лицомъ въ тонкими чертами, почти дѣвственной красоты, онъ говорилъ ровно и плавно, съ какой-то женственной граціей; ему присуща была естественная веселость, располагавшая къ дружбѣ, и въ лицѣ и рѣчахъ было нечто, отзывающее скромнымъ заискиваньемъ; при томъ человѣкъ чистыхъ нравовъ, о которомъ ходила молва, что онъ до конца жизни соблюдалъ цѣломудріе.—Все это рисуетъ передъ нами типъ тихаго, покладистаго литератора, который попалъ въ теченіе и, ничего не сдѣлавъ для лавровъ, обратилъ на себя вниманіе, объяснимое не литературнымъ наслѣдствомъ, а надеждами кружка, гдѣ часто одинъ интересъ къ дѣлу гуманизма ставился на счетъ и шель — за славу.

Заноби (род. 1312 г.) былъ сынъ флорентинскаго грамматика Джьованни, по смерти котораго велъ его школу. Боккаччо зналъ его до 1348 года, какъ поэта, преданнаго «геликонскимъ размышеніямъ», благодарить его за его рѣчь, которую списалъ, и просить доставить ему и другіе плоды его музы. Онъ, очевидно, дружилъ съ нимъ, у нихъ были общіе пріятели и общіе литературные интересы³⁾; появленіе во Флоренціи въ 1350 году Пе-

1) Сл. письмо Боккаччо къ Нелли у Согаццини, стр. 170 (due volte da queste promesse ingannato).

2) Сл. выше т. I, стр. 876—7; т. II, стр. 117—118, 189, 140—1.

3) Сл. выше т. I, стр. 876 слѣд.

тракки, великаго организатора гуманистическихъ братствъ, могло сблизить Боккаччо съ Заноби и Нелли; въ слѣдующемъ году Нелли пишетъ Петраркъ объ общемъ другѣ¹⁾; въ числѣ трехъ пріятелей, собравшихся у Нелли за веселой бесѣдой, легко предположить Заноби и Боккаччо²⁾). Впослѣдствіи этотъ кружокъ распался: слишкомъ неравномѣрны были силы и характеры людей, которыхъ Петрарка объединилъ въ чувствѣ своей дружбы, где дѣйствительное уваженіе смѣшивалось съ аристократической снисходительностью къ ласковому поклоннику и оцѣнка характера отступала на второй планъ. Талантливость Заноби Петрарка положительно перевысила: онъ поощрялъ его бросить учительскую карьеру, и принявъ приглашеніе Аччьяйоли, отдавшися своему поэтическому призванію³⁾. Заноби послѣдовалъ совѣту⁴⁾; онъ сдѣлался секретаремъ короля Людовика, съ 1355 года генеральнымъ викаремъ монтекассинского епископа Анджело Аччьяйоли⁵⁾, своимъ человѣкомъ у Аччьяйоли, который дѣятельно патронировалъ его и своимъ вліяніемъ доставилъ ему высшую гуманистическую почесть: въ маѣ 1355 года Карлъ IV торжественно увѣнчалъ его въ Пизѣ лавромъ поэта⁶⁾. И Заноби отвѣчалъ своему покровителю похвалами: въ своей вѣнчальной рѣчи онъ говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, поощрившемъ его юношескія занятія⁷⁾, величая подъ личиной героическихъ

1) См. выше стр. 139.

2) Fam. XVIII, 10: къ Нелли, вѣроятно, 1351 года; см. Fracassetti, Lettere IV, стр. 128.

3) См. выше, стр. 141—1.

4) См. Fam. XII, 15.

5) Hortis, Studi, I. c. стр. 275; Tosti, Il codice cassinese della Div. Commedia. Monte cassino 1865, стр. XV. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ истолковать непонятные иначе стихи въ Pietosa Fonte Zenone изъ Пистойи:

Messer Zanobi di Monte Cassino,
Vescovo (?), fu quel poeta ti dico.

6) Matteo Villani, I. V, c. 26; Muratori R. I. S., t. XIV, col. 1032; Johannes dictus Porta de Annoniaco у Höfler, Beiträge z. Geschichte Böhmens, I, II, стр. 50.

7) Studiorum meorum ab annis adolescentiae promotorem.

именъ¹), прославлять въ письмѣ, писанномъ отъ имени папы²), когда, забывъ свои обличительныя стихотворенія къ бывшему другу-законнику, тщеславному и падкому на наживу³), онъ самъ соблазнился мѣстомъ папскаго протонотарія и въ 1359 году покинулъ Неаполь для Авиньона, Виргилия и Цицерона для варварскихъ казуистовъ. Петrarка упрекалъ его за эту измѣну поэзіи⁴; Филиппо Виллані⁵ и Доменико Бандині изъ Ареццо⁶) повторяютъ существенно то-же: онъ былъ-бы великимъ поэтомъ, судя по оставшимся его произведеніямъ, изящнымъ и игривымъ, но новое званіе, обогативъ его, сдѣлало его равнодушнѣе къ поэзіи, и съ тѣхъ поръ онъ мало писалъ. Говорятъ, онъ силенъ былъ въ поэзіи, пишетъ о немъ Melchiorre di Coppo Stefani⁷), хотя книгъ по себѣ онъ не оставилъ, и онъ объясняетъ это тѣмъ, что Заноби умеръ въ молодыхъ лѣтахъ и что на службѣ римской куріи ему было не до книгъ; ранняя смерть не дала ему дозрѣть до славы, выражаются о немъ хвалебныя эпитафіи Доменико Сильвестри и, можетъ быть, Салутати⁸).

Съ именемъ Заноби до насъ дошло очень немногое: двѣ латинскихъ рѣчи («Audite me» и вѣнчальная), три латинскихъ стихотворенія⁹); нѣсколько переводовъ на латинскій языкъ: переводъ комментаріевъ Макробія на сонъ Сципіона, сдѣланный по просьбѣ Джованни Виллані¹⁰), части *Moralia* Григорія Великаго¹¹) и его толкованій на книгу Іова; отрывковъ Саллюстія; До-

1) Письмо Боккаччо къ Нелли, у Corazzini, стр. 168.

2) Martin et Durand, Thesaurus II, op. XXX, col. 870.

3) Hortis, Studi, стр. 344—5.

4) Sen. VI, 6; съ Fam. XX, 14.

5) Fil. Villani, *De origine civit. Florentiae et ejusdem famosis civibus*, ed. Galletti, стр. 16.

6) Mehus, *Vita Ambr.*, стр. CLXXXIX.

7) Mehus, I. c. стр. CXC.

8) Mehus, I. c. стр. CCLXVI, CCCXXVIII.

9) Hortis, Studi, стр. 343—5.

10) Frati, *Epistola inedita di Giovanni Boccaccio a Zanobi da Strada*, стр. 9, прим. 1.

11) Переводъ сдѣланъ по просьбѣ Аччьяйоли.

менико Бандини¹⁾ говорить о его посланіяхъ въ прозѣ и стихахъ; приписанный ему комментарій къ Божественной Комедіи утраченъ²⁾), какъ и стихотвореніе *della Sfera*, если оно ему принадлежитъ³⁾; онъ началъ было поэму о Сципіонѣ Африканскомъ, но оставилъ, узнавъ, что о немъ пишеть Петрарка⁴⁾.—Это литературное наслѣдье не объясняетъ ореоль великаго поэта⁵⁾, окружившій его тотчасъ по смерти: онъ сложился какъ то на вѣру; впрочемъ уже Виллани говорить, что произведенія Заноби, оставленные имъ его роднымъ, утратились по ихъ безпечности и неразумію⁶⁾, какъ ни заботился объ ихъ сохраненіи Аччьяйоли. Когда Заноби умеръ въ 1361 году, Аччьяйоли написалъ къ нотаріусу Ландольфу пространное письмо, характерное для его литературныхъ вкусовъ и, отчасти, безвкусія⁷⁾. Письмо начинается неумѣстной игрой словъ: прозвищемъ Ландольфа было *cajazza* = сорока; не какъ сорока, а какъ сирая горлица сѣтую я со всѣми итальянцами объ утратѣ человѣка, подобнаго которому тысячу лѣтъ не видѣлъ свѣтъ, за исключеніемъ одного, мессера Франческо Петрарки, поэта. Онъ былъ моимъ учителемъ, избралъ меня другомъ, я — его, и эта дружба, столь долго «прославленная», радовала насъ обоихъ. Она ставится въ ряду великихъ дружественныхъ связей древности, которымъ гуманисты тщились подражать; Аччьяйоли увлеченъ общимъ теченіемъ, цитуетъ Улисса и Діомеда, Ахилла и Патрокла, Сципіона и Лелія, Заноби и себя, Никколя. Такъ плачется въ Филоколо⁸⁾ Флоріо надъ тѣломъ Аскальоне, поминая Пилада и Ореста, Тезея и Перитоя, Ахилла и Патрокла, Низа и

1) Mehus, I. c.

2) Carducci, *Della varia fortuna di Dante*, стр. 311, прим. 1. Заноби, какъ комментаторъ Данте, упоминается въ замѣткахъ какого-то Чеффони къ Божественной Комедіи. Сл. (Salomone Morgurgo) *I Manoscritti della R. Biblioteca Riccardiana № 1036.*

3) Mehus, I. c. стр. CXCI.

4) Fil. Villani I. c. стр. 16; см. выше стр. 83.

5) Magnus poeta у Доменико Бандини.

6) I. c.

7) Сл. Tanfani, Niccola Acciajuoli, стр. 201 слѣд.

8) II, 348—9.

Евріала, Дамона и Питію; такіе перечни нерѣдки въ письмахъ Боккаччо¹⁾ и Петрарки²⁾. — Письмо кончается просьбой къ Ландольфу: собрать съ великимъ рвенiemъ всѣ писанія Заноби, хотя бы и маловажныя, и тѣ, которыя онъ не внесъ въ свою бѣловую тетрадь или регистръ, какъ не заслуживающія вниманія, и то и другое и всѣ его книги выслать, согласно его завѣщанію, въ Неаполь, но такъ, чтобы никто не видаль и не касался ихъ раньше Аччьяйоли. Онъ велитъ переписать творенія друга, даже въ трехъ экземплярахъ, дабы уберечь ихъ отъ случайности, и положить въ Чертозѣ, любимомъ монастырѣ, который Аччьяйоли основавъ подъ Флоренціей, съ школой на пятьдесятъ учениковъ и трехъ учителей и библіотекой, куда поступило и собраніе рукописей, вывезенныхыхъ изъ Смирны монахомъ Антоніемъ изъ Сіены. — Правда, эти книги подъ ключемъ, музы въ заперти, и ихъ мщеніемъ можетъ быть — бѣгство, подсмѣивался Боккаччо послѣ неаполитанской поїздки 1361—2-го года.

Такъ или иначе, репутація Заноби сложилась не въ уровень съ тѣмъ литературнымъ наслѣдствемъ, о которомъ намъ дано судить. Современники могли быть другого мнѣнія по причинамъ, на которыхъ указано было выше. Въ кансонѣ на смерть Боккаччо³⁾ Саккетти сопоставляетъ трехъ именитыхъ поэтовъ: Заноби, Петрарку и Боккаччо; Филиппо Виллани въ біографіи Боккаччо и Джованни изъ Прато⁴⁾ въ своей Філоменѣ присоединяетъ къ нимъ и Данте; Зеноне изъ Пистойи въ Pietosa Fonte заставляетъ Флоренцію оплакивать смерть Петрарки и «второй розы» ея вертограда, Заноби, кончина которого обновила древнія сѣтованія о Данте; авторъ Фімеродіи⁵⁾ помѣщаетъ Заноби въ перечни знаменитыхъ флорентійцевъ за Данте, Петраркой и

1) Къ Заноби отъ 1348 года у Corazzini, стр. 448; къ анониму I. с. стр. 442; къ Pino dei Rossi ib. стр. 76.

2) Fam. XII, 16; XIII, 10.

3) Corazzini, стр. 482 слѣд.

4) Villa Альберти, стр. 260.

5) Lib. II, с. 3.

Боккачью, Гвидо Кавальканти и Дино да Муджелло¹⁾; то-же дѣлаеть Ринуччини въ своемъ отвѣтѣ Антонію Луску²⁾). И позже, въ 1396 году, когда положено было чествовать общественнымъ погребенiemъ въ Santa Сосе гражданъ, возвеличившихъ Флоренцию своимъ дѣлами и трудами, Заноби отмѣченъ былъ въ числѣ лицъ, заслужившихъ это отличie, между Петраркой и Боккачью. Боккачью былъ, очевидно, того-же убѣжденія, когда въ своей записной книжкѣ помѣстилъ въ числѣ именитыхъ флорентинцевъ, вмѣстѣ съ Данте и Петраркой, и Заноби³⁾); впослѣдствіи, въ письмѣ къ Якову Пиццинге (1371 года), онъ уже не рѣшился на такое сопоставленіе: говоря о людяхъ, обновившихъ въ послѣднее время заглохшее преданіе поэзіи, онъ называетъ Данте, Петрарку; я присоединилъ-бы къ нимъ и Заноби, замѣчаетъ онъ,—если бы онъ того заслуживалъ⁴⁾.

Охлажденіе между ними могло начаться съ 1352 года. Сбираясь въ Неаполь съ известными намъ цѣлями, Боккачью написалъ къ старому приятелю Заноби, который уже устроился тамъ и могъ многое для него сдѣлать⁵⁾, но Заноби не радѣлъ о другѣ, отмалчивался, а затѣмъ извинилъ свое долгое молчаніе тѣмъ, что—уввлекся древними прелестями Неаполя. Сохранился отрывокъ отвѣтнаго письма Боккачью, занесенный въ его записную

1) Сл. Del Balzo, I. c. II, стр. 72.

2) Вилла Альберти, стр. 210.

3) Сл. выше стр. 103.

4) Corazzini, стр. 196.

5) Онъ умѣлъ покровительствовать. Сохранилось его письмо къ одному анониму, относящееся, вѣроятно, ко времени его авиньевскаго пребыванія. Изъ писемъ Лапо ди Кастильонкіо онъ узналъ, что адресатъ и его отецъ что-то сдѣлали въ пользу его и брата, обвиненныхъ передъ флорентійскимъ «сенатомъ». Онъ благодаритъ и предлагаетъ свои услуги: если твои родители не воспротивятся, я желалъ бы, чтобы ты попыталъ счастья въ этой «куріи»; здѣсь легкъ возвыситься, на то многое примѣровъ, мой собственный: я изъ худородныхъ (ex humili loco), а теперь видишь, куда попалъ, по милости Божіей. Коли рѣшишься, я охотно предложу тебѣ мое содѣствіе (favors meos). Письмо кончается поклономъ Людовику Джъанфильяцци (Ciampi, Monumenti di un manoscritto autografo e lettere inedite di messer G. Boccaccio. Milano, 1880, стр. 100—1).

книжку¹⁾; я воображаю себѣ, пишеть онъ Заноби, какъ ты любовался остатками древнихъ храмовъ, отыскивая мѣсто, гдѣ могло находиться то великое святилище, на которое дивовался царь Фригій съ товарищами, гдѣ диктійскій Дедалъ посвятилъ, послѣ бѣгства, кормило своихъ крыльевъ²⁾; воображаю себѣ, что ты передумалъ, какъ спрашивалъ себя: не здѣсь ли священное мѣсто, почтенные развалины того, что было когда то началомъ Виргилевскаго Неаполя и сосѣднаго Палеполя—гдѣ ты пребываешь теперь, поднятый колесомъ Фортуны, забывъ обо мнѣ? Могу представить себѣ, какъ ты бродилъ по мѣстамъ, гдѣ поконится Мизенъ, сынъ Эоловъ, звонкой мѣдью призывающій мужей къ оружію, гдѣ его похоронили илійскіе вожди и совершина была очистительная надъ нимъ жертва³⁾.— Но пора положить конецъ твоему дивованью⁴⁾, ибо одни лишь слабые духомъ увлекаются дѣлами рукъ человѣческихъ и преходящими, забывая другое; и хотя вещи новыя и дѣйствительно достойныя вниманія овладѣваютъ нами на нѣкоторое время, я все-же не повѣрю, чтобы онѣ искоренили изъ твоей памяти все прежнее⁵⁾, особенно то, что самому тебѣ казалось самымъ дорогимъ—а что дороже дружбы? И такъ поищемъ другой, лучшей причины твоей забывчивости, или, лучше, медлительности⁶⁾.

Этимъ кончается отрывокъ, можетъ быть, не доконченного письма. Заноби въ чёмъ то виноватъ, но намъ остаются неизвѣстными и его вина и доля шаржа въ обвиненіяхъ Боккаччо. Мы знаемъ только, что его неаполитанскіе планы не осуществились и онъ вскорѣ покинулъ Неаполь, негодуя на Аччайоли, недовольный Заноби.

1) Macrl-Leone, Giorn. Stor. d. lett. ital. fasc. 28—9, стр. 89.

2) Remigium alarum; разумѣется Дедалъ и храмъ Аполлону, построенный имъ въ Кумахъ.

3) Divi funeris atque yliadum procerum piaculi loca notantem. См. Aen. VI, 162 слѣд.

4) Sed jam finem tuis admirationibus imponamus.

5) Que visa sint olim.

6) Postergationis.

Припомнить, что онъ говорилъ о себѣ въ Любовномъ Видѣніи: и онъ не прочь быль бы отъ наживы, если бы она соединена была съ честью¹⁾; въ Корбаччо²⁾: онъ гордъ, ему стоило бы только захотѣть, и многіе именитые, благородные люди доро-жили бы имъ и возвысили бы его, но вслѣдствіе чрезмѣрной и непохвальной гордости онъ не сходится съ ними, а если и сойдется, не выносить, если тѣ не потворствуютъ его нравамъ и не пота-каютъ. Такъ говоритъ Боккаччо его духъ-руководитель, и Бок-каччо не протестуетъ; другіе были покладистѣ въ подобныхъ случаяхъ, онъ щепетиленъ, обидчивъ, подозрителенъ ко всему, что грозило посягательствомъ на его личную свободу. И передъ нимъ, какъ передъ многими другими, ставился роковой вопросъ: какъ соединить эту свободу съ обезпеченностью литературнаго труда, не связаннаго каѳедрой или другимъ практическимъ заня-тіемъ. Покровитель естественно ожидалъ дѣла, гуманистъ быль не только украшеніемъ его двора, но и секретаремъ, составите-лемъ дѣловыхъ бумагъ, литераторомъ на послугахъ. Все это отвлекало отъ поэзіи, мѣшала и толпа, и житейскія дрязги; неволя не давала досуга, цѣль не достигалась. Оттуда частыя жалобы гуманистовъ на свое положеніе, ихъ порывы злобы — и безконечныя грэзы объ уединеніи въ природѣ, о *parfum des saintes solitudes* (Alfr. de Vigny), гдѣ они одни съ музами, вдали отъ людей и заботъ о семье, на ложѣ поэзіи и сочув-ственной дружбы; обезпеченность предполагалась. Петрарка воспѣвалъ прелесть такого уединенія³⁾, но онъ и испыталъ его; для Боккаччо оно навсегда осталось миражемъ, за которымъ онъ гонялся всю жизнь, не осозавъ ни разу. Онъ жаждетъ его въ своемъ Корбаччо⁴⁾, воспѣваетъ въ Генеалогіяхъ боговъ⁵⁾,

1) Сл. выше т. I, стр. 15.

2) Сл. выше стр. 40.

3) *De Vita Solitaria* и *passim*.

4) Сл. выше стр. 28.

5) Сл. выше т. I, стр. 509—10 (гдѣ на стр. 510 прим. 1 слѣдуетъ читать: Gen. Deor. XIV, 11). Сл. еще Gen. Deor. IV, 44; XI, 2.

защищаетъ въ *De Casibus*¹⁾: всякому свое дѣло и свой интересъ: воину лагерь, юристу преторію, поэту — уединеніе пѣсни, созерцаніе, слава²⁾. Пусть не воображаютъ себѣ, что поэты ищутъ пещерь и тѣнистыхъ лѣсовъ, журчащихъ ручьевъ и тихой деревенской дали, чтобы тамъ отдаваться чревоугодію и разврату: ни божественный Гомеръ, ни нашъ небесный Виргилій, ни славный мой учитель Франческо Петрарка не были бы въ состояніи, среди людскаго говора и городской толчеи и суетни, ни обрѣсти свои божественные мысли, какъ-бы исторгнутыя изъ лона Юпитера, ни выразить ихъ съ дивнымъ искусствомъ въ своихъ пѣсняхъ на славу себѣ у современниковъ и потомковъ. Вотъ почему они называли эти избранныя ими мѣста, отдаленные отъ шумнаго города, мѣстами досуга, *otia*. Его я часто восхвалилъ, желалъ бы и для себя, еслибы то выпало мнѣ на долю. Меня упрекнуть, что мечтая о поэтическомъ досугѣ, я, такъ мало сдѣлавшій³⁾, тѣмъ самымъ ловко даю понять, что и я—поэтъ. Скажу прямо: я не поэтъ и не на столько неразуменъ, чтобы возмечтать о себѣ или выдать себя не за то, что есть. Одного я желаю всѣми силами: работать, заниматься⁴⁾; достигну-ли я цѣли, то вѣдѣтъ Господь; думается, что у меня не хватитъ силъ, такъ много ущелей и недослѣгаемыхъ вершинъ лежитъ на пути . . . И такъ, если я желаю досуга (*otia*), то не потому, что хочу прослыть поэтомъ, а потому, что и мнѣ было-бы на великую пользу то, къ чему когда-то страстно стремились поэты.

Въ условіяхъ литературнаго патроната это давалось не легко. Приходилось искать покровителя, испытать то-же, что Данте⁵⁾:

Si come sa di sale
Lo pane altrui, e com'è duro calle
Lo scendere e'l salir per l'altrui scale.

Вкусы патрона, неопределенность профессіи невольно созда-

1) *De Cas.* III, 14.

2) Сл. *Gen. Deor.* I, 8; XV, 10.

3) *Paucis literis.*

4) *Ut sim studiosus.*

5) *Parad.* XVII, 58 слѣд.

вали поэту скользкое положение потешника, литератора на порученияхъ, и оно di corte, вродѣ тѣхъ, которые выпрашивали у Петракки его стихи и, разжившись ихъ сказываніемъ, приходили благодарить его одѣтые, отъѣвшіеся¹⁾). Бергамино Декамерона²⁾—профессиональный скоморохъ старого стиля, но современникъ Боккачью, Антоніо изъ Феррары—магистръ (maestro) какого-то университета, полу-поэтъ, полу-потешникъ³⁾, человѣкъ не дюжиннаго ума, хотя безалаберный⁴⁾), а онъ также кормится по дворамъ, въ постоянныхъ раздорахъ съ своимъ кошелькомъ. Пріѣхалъ я (въ Сіену), чтобы заработать платье и набить свой чемоданъ, жалуется онъ въ одномъ советѣ⁵⁾), но, думается мнѣ, оставлю здѣсь и хвостъ и руки, чтобы было чѣмъ заплатить въ гостиницѣ и за ужинъ.

Таковы жалобы жонглѣровъ, этихъ перелетныхъ птицъ средневѣковой поэзіи, съ ихъ недочетами кармана, не самолюбія, съ противорѣчіями заработка и настроенія, когда иной разъ приходилось пѣть сквозь слезы⁶⁾). Между тѣмъ гуманизмъ поднялъ значеніе высокой поэзіи, тираны обнаружили къ ней сочувствіе, по интересу или модѣ, но за то и въ поэтахъ новой формациіи обострилось самосознаніе, и ихъ мартіологія получила новый оттѣнокъ: противорѣчія дѣйствительности и призванія. Посвященіе труда могущественному патрону, который обережетъ его и обеспечить успѣхъ, было одной изъ легкихъ формъ этой литературной зависимости, какъ известно, очень долго державшейся въ обиходѣ; Боккаччо приѣхалъ къ ней не разъ; но тяжело бремя могущественного друга, писалъ въ 1367 г. Колуччо Салутати къ Филиппу dell'Antella: при-

1) Sen. V, 2.

2) I, 7.

3) Sacchetti, Nov. CXXI: fu uno valentissimo uomo quasi poeta e avea dell'uomo di corte.

4) Petr. Sen. III, 7: non mali vir ingenii, sed vagi.

5) Fortuna per ristor de'mia gran danni.

6) Tel fois chante li juglerres—Que c'est de tous le plus dolens.

ходится выбирать время, сообразоваться съ нравами хозяина ¹⁾: однимъ нравится честное, степенное (*honestum*), другіе помышляютъ о наживѣ и прибыткѣ, третьимъ, преданнымъ сладострастію, по сердцу такое и общество. Приходится, чтобы угодить покровителю, совлечь съ себя прежняго человѣка, отказаться отъ своихъ нравовъ. Присоедините къ этому зависть и наговоры другихъ придворныхъ, и дружба могущественнаго человѣка окажется не только трудной, но и страшной. Не легко отстать отъ старыхъ привычекъ, пріучиться къ повиновенію, когда самъ повелѣвалъ, покинуть торные пути жизни, чтобы сдѣлаться новымъ человѣкомъ ²⁾.—То-же говорилъ Маттео ди Орджяно, канцлеръ маркиза Альберти д'Эсте въ концѣ XIV вѣка, обращаясь къ кому-то пріятелю, просившему у него совета относительно выбора патрона: кто хочетъ располагать собою, тотъ да избѣгаетъ иги рабства, если-же ему не суждено его избѣгнуть, пусть помышляетъ о томъ, какъ бы сбросить его скорѣе ³⁾. Всю его горечь испыталъ Франческо да Фіано, бродячій гуманистъ, цѣлую жизнь боровшійся съ вопросами свободы и бѣдности; онъ былъ пріятель Петrarки, Ченчо Романо, Леонардо Аретино и Антоніо Лоски называютъ его своимъ учителемъ; его можно прослѣдить въ Перуджіи, Пезаро, Римѣ, Неаполѣ, куда, быть можетъ, его вызывалъ Карлъ Дураццій и гдѣ его держали впроголодь. Ему назначили содержаніе, но королевскій казначей глухъ къ его просьbamъ. «Хотя онъ всегда принимаетъ меня весело и радушно, но лишь дѣло зайдетъ о жалованье, онъ неизмѣнно забывчивъ и нерадивъ. За два мѣсяца, уже истекающихъ, мнѣ слѣдуетъ получить тридцать два дуката, а до сихъ поръ удалось выжать изъ него лишь одиннадцать съ половиной. Каждый день, едва разсвѣтеть, иду къ нему, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: Приди вечеромъ. Возвращаюсь по сказанному, а онъ опять: Приходи завтра.

1) *Dominantis.*

2) *Novati, La giovinezza di Coluccio Salutati*, стр. 86—7 прим.

3) I. c. стр. 90.

Являюсь въ назначенный часъ, но это ни къ чему не ведеть, и я принужденъ вернуться домой, разочарованный, съ пустымъ кошелькомъ и великими, но несущественными обѣщаніями. Такъ проходитъ цѣлый день въ блужданіи взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ. Подъ конецъ, хотя голова и идетъ у меня кругомъ, и я ненавижу свое перо, тѣмъ не менѣе я снова берусь за него въ моей одинокой кельѣ, ободренный какой-то надеждой, что на слѣдующій день моя рука будетъ блаженствовать подъ бременемъ обѣщанныхъ денегъ. Питаясь этими пустыми, обманчивыми надеждами, я снова открываю струю вдохновенія, истощившагося въ моемъ гнѣвѣ на Феоло (казначея), пытаюсь продолжать начатый трудъ, чтобы передать потомству, вмѣстѣ съ именемъ нашего побѣдоноснаго и непобѣдимаго властителя, и мое собственное; но тутъ входитъ слуга, говорить, что не знаетъ, что дать мнѣ на ужинъ, да и лошадка, тихо и безъ тряски носящая мое ветхое тѣло, также голодаетъ, потому что нѣть ни ячменя, ни сѣна. Я начинаю, не безъ вздоховъ, шарить въ кошелькѣ, не найдется-ли тамъ случайно сольда, чтобы купить охапку дровъ на кухню для моего бѣднаго Франческо, да корму для лошаденки, которая еле держится на ногахъ. Увы! въ кошелькѣ гуляетъ вѣтеръ! Тогда я бросаю перо, остервененный на Феоло, на жестокую судьбу. Пусть истительное пламя исправить то немногое, что я до сихъ поръ написалъ; такъ решено; а затѣмъ я не напишу ни строчки.—Далѣе письмо переходить отъ прозы къ стихамъ, посылая къ чертямъ Аполлона и музъ, Парнасъ и Иппокрену, киеару и лавры, которые совсѣмъ употребить, какъ вывѣску—къ тавернѣ¹⁾.—Иной разъ, когда Франческо случалось уединиться въ свой уголокъ и отдаваться работѣ, толпа служилой челяди врывалась, приставая къ нему и глумясь: Ты еще съ ума спятишь отъ занятій, разумно-ли въ самомъ дѣлѣ заниматься философіей, когда тебя ждутъ домашнія дѣла? Если-же таково было твоє призваніе, къ чему не озабочился ты доставить себѣ

1) Novati, I. c. стр. 91—3.

то уединеніе, котораго ты такъ усердно ищешь, обращаясь въ отшельника?—Тутъ одинъ назойливо принимается толковать ему о сѣнѣ, другой о соломѣ, пшеницѣ, о томъ, что околѣла лошадь. Увы! восклицаетъ Франческо: недостаточно было моей недолѣ того, что она заставила меня нуждаться въ чужихъ благодѣяніяхъ, она еще излила на меня свой гнѣвъ, лишивъ меня величайшаго наслажденія — быть одному¹⁾.

Нѣчто подобное могъ испытать Боккаччо, не столько материальные недочеты, сколько недочеты самолюбія. Его письмо къ Заноби, написанное изъ Флоренціи послѣ 7-го апрѣля 1353 года, сдержанное и ироническое, полно недавними впечатлѣніями Неаполя. Аччьяйоли ожидалъ отъ него, чего онъ не могъ дать, а онъ приносилъ ему больше, чего тотъ не понять и не съумѣть опѣнить.

12-го января 1353 года внезапно скончался старшій сынъ Аччьяйоли, Лоренцо; отецъ узналъ о томъ въ Гаэтѣ, но встрѣтилъ вѣсть съ статуарнымъ самообладаніемъ и духовною крѣпостью, которая напоминаетъ Боккаччо классической параллели²⁾, намъ — известный разсказъ въ мемуарахъ Montluc'a. Торжественно-обрядовая сдержанность римскаго *pater-familias* уже обязывала культурнаго человѣка. — Тѣло Лоренцо перевезено было во Флоренцію и 7-го апрѣля похорено въ флорентинской Чертозѣ³⁾. Боккаччо описываетъ его похороны; они будто-бы и дали ему поводъ къ письму⁴⁾, поводъ внѣшній, случайная иллюстрація того, что иначе онъ не рѣшился бы сказать и что накипѣло у него на сердцѣ.

Давно не писали мы другъ другу; не знаю, что тому виною: твоє-ли величіе, презирающее, какъ я начинаю замѣчать, все

1) Novati, I. c. стр. 117—118.

2) Filocolo I, 86. Въ письмѣ къ Донату дельи Альбанцаніи Петrarка (Sen. X, 4) приводить въ примѣръ такого-же самообладанія Стефана Колонну и короля Роберта; примѣры античной доблести въ подобныхъ же случаяхъ онъ собиралъ не разъ, и Донатъ знаетъ гдѣ ихъ найти.

3) Matteo Villani III, с. 63.

4) Corazzini, стр. 39 слѣд..

малое, или мое сумасбродство, мало заботящееся о томъ, что подобаетъ цѣнить. Горестное событие¹⁾ побудило меня, почти невольно²⁾, взяться за перо, давъ ему волю и просторъ; хотя, полагаю, ты и очень занять въ королевскихъ совѣтахъ, прошу тебя прочесть мое посланіе спокойно, безъ предубѣжденія³⁾. Пора открыть, о чёмъ я долго молчалъ; такова несчастная судьба!⁴⁾. — Ты помнишь, думаю я, какъ твой великий человѣкъ⁵⁾ обзывалъ меня нерѣдко, съ притворнымъ смѣхомъ, любителемъ покоя⁶⁾; долженъ помнить и поводъ къ такой кличкѣ; я ее помню и не безъ нѣкоего негодованія понялъ, что она обозначала. Тѣмъ не менѣе, если дозволено что-нибудь помыслить или выразить о такомъ человѣкѣ, одно я не премину сказать, если бы даже это стоило мнѣ и смерти: что это неправда. Никто, да и онъ самъ не видѣлъ, чтобы я льстилъ ему, ласкался къ нему въ его счастьѣ и славѣ, выражая по ихъ поводу какія-либо чувства, ибо я всегда боялся укововъ зависти, всегда страшился непостоянства судьбы, ея неожиданностей, и не для себя, а для него; въ несчастныхъ-же обстоятельствахъ я сострадалъ ему и сочувствовалъ, что видѣли многіе, видѣлъ и ты. Таковъ-ли обычай у поклонниковъ счастливой доли?⁷⁾. И такъ несправедливо было сужденіе того, кто далъ мнѣ прозвище — любителя покоя.

Куда ведутъ эти суровыя рѣчи? Вотъ куда. Смерть достойного, талантливаго⁸⁾ Лоренцо, старшаго сына твоего «великаго», заставила меня вѣрнѣе судить о самомъ себѣ, о моемъ прозвищѣ. И долгое преслѣдованіе, и трудное бѣгство и опасная рана⁹⁾ — все это блѣднѣетъ передъ впечатлѣніемъ этой

1) Iniqua fortuna praestante.

2) Fere invitus.

3) Liberali animo.

4) O sors iniqua!

5) Magnum tuum. = Аччьяполи.

6) Johannem tranquillitatum. Сл. выше, т. I, стр. 58.

7) Bonam suavemque fortunam sequentium.

8) Indolis admirandae.

9) Quid adversus me persecutio longa? quid inextricabilis fuga? Quid vulnus exitiale?

смерти. О ней я хочу поговорить съ тобою; могу говорить, если, какъ полагаю, ты мнѣ другъ; мнѣ не стыдно будетъ защитить передъ тобою мое дѣло, открыть мою душу, и дабы ты не думалъ, что я говорю неправду, прикрываясь нашей дружбой, забудь о ней и будь мнѣ судьей. Тебѣ легко допустить это: передъ тобой съ одной стороны благожелательный¹⁾, могущественный человѣкъ, на котораго возводится вина, съ другой — бѣдный, непокладистый²⁾ другъ, скорѣе неизвѣстный согражданинъ — ибо на этотъ разъ я не желаю явиться другомъ.

И Боккаччо разсказываетъ, какъ поразила его вѣсть о смерти Лоренцо. Ты подивишься, продолжаетъ онъ, но ни смерть брата и отца, ни кончина Коппо Доменики, котораго я больше всѣхъ любилъ, не извлекли у меня такихъ слезъ: я плакалъ, какъ женщина, что недостойно мужчины, тѣмъ менѣе преданного музамъ. Вспомнился мнѣ тогда, не безъ великой грусти, опечаленный отецъ, твой «великій», и я, дотолѣ не интересовавшійся ни его первыми успѣхами, ни торжественнымъ возвращенiemъ послѣ бѣгства, ни вѣнчанiemъ твоего короля (которое устроилъ Аччьяйоли)³⁾, ни его (т.е. Аччьяйоли) замиренiemъ съ вернувшимися или бывшими въ плѣну королевичами — ощутилъ къ нему соболѣзнованіе, точно я самъ, не онъ, лишился сына, и половина ночи прошла для меня въ слезахъ. Не много я радовался его успѣхамъ, или не радовался вовсе, но надъ его несчастiemъ пролилъ слезы — и не при немъ: онъ, пожалуй, принялъ бы ихъ за ложныя. Но про то я знаю, и если пишу тебѣ о томъ, то не къ его свѣдѣнію, а чтобы доказать тебѣ, что я не искатель покоя, а сострадатель къ бѣдствиямъ⁴⁾. Вотъ какимъ способомъ, съ какимъ вниманiemъ и слезами сопутствуетъ твой Джьованни благополучію твоего «великаго»⁵⁾. Что еслибы я льстилъ ему въ счастіи, просилъ бы милостей и

1) Obsequiosum.

2) Inoffitiosus.

3) Сл. выше, т. I, стр. 378—4.

4) Non me tranquillitatum hominem, sed miseriарum misericordem existere.

5) Tranquillitates Magni tui.

быть ими осыпанъ, и оставилъ его въ бѣдствіяхъ — какихъ бы ненавистныхъ прозвищъ не надавали мнѣ! Знай одно: хотя онъ великъ, я малъ, скорѣе — ничто; онъ могучъ, я ничтоженъ, онъ силенъ, я слабъ — все же не слѣдуетъ такъ презирать, такъ гнушаться друзей¹⁾). Жили мы, и Богъ дастъ, будемъ жить, можетъ быть, не роскошно, но съ меньшимъ страхомъ, ибо если доживамъ грозять воды²⁾, молнія гнѣвнаго Юпитера поражаетъ горы, вѣтеръ ихъ тревожитъ, палитъ солнце и досаждаетъ холодъ. Если придется слюбиться съ бѣдностью³⁾, то вѣдь она уже со мною; еслиъ ея не было, я всюду испытала ее, не ставъ никому слугою. Захочу-ли я богатства или по крайней мѣрѣ обеспеченія моего существованія⁴⁾, то въ мѣстахъ недостатка не будетъ: меня зовутъ въ Падую, Верону, древнюю Равенну, Форлі, только я отнѣкиваюсь. Ты попрекнешь меня тиранами; но вѣдь и желаніе денегъ — свойственно тиранамъ; ты вѣдь тоже живешь у тирановъ, только украшенныхъ благовиднымъ титуломъ⁵⁾). Но къ чему съ такимъ рвениемъ стремиться къ богатству и величію? Не за тѣмъ-ли, чтобы о насть узнали? Вспомни слова нашего Сенеки: Кто слишкомъ извѣстенъ, умираетъ, не познавъ себя⁶⁾). Бѣдный — я живу для себя, будь я богатъ и роскошенъ — я жилъ бы для другихъ; съ моими книжками я счастливѣе, чѣмъ твои вѣнчанные короли. Ты, можетъ быть, удивишься этимъ словамъ, ибо они окажутся, пожалуй, въ разногласіи съ тѣмъ, что я говорилъ тебѣ прежде; что-бы я не говорилъ, это было не мое мнѣніе, не то, которое я неуклонно таилъ про себя до поры до времени. Время настало и я его высказалъ; явился бы высказать его и самъ, еслибы не рѣшилъ безповоротно никогда не посѣщать авгонійское королевство, пока будетъ тамъ цвѣсти

1) Non sic vilipendendi amici homines, non sic abjiciendi sunt.

2) Dato vallibus dominantur undae.

3) Si pauperiem amabo.

4) Aut saltem victui meo opportunam pecuniam.

5) Fausto titulo.

6) Qui notus nimis omnibus, ignotus moritur sibi.

счастіе твоего «великаго»; не потому, чтобъ меня огорчало его благополучіе, видить Богъ, я ему радуюсь, а дабы не говорилъ онъ про меня, что я ищу покоя¹⁾). Развѣ онъ полагаетъ, что бѣдняки ничего не чувствуютъ, не понимаютъ и не негодуютъ? Все это они дѣлаютъ, но благоразумно молчатъ, пока не провѣщатся. О еслибъ у меня былъ духъ подъ стать силамъ, либо силы въ уровень сть духомъ!²⁾. Ты бы яснѣе увидѣлъ, сколь великій духъ таится въ слабой груди³⁾). Но пока довольно объ этомъ; если ты догадливъ, какъ я думаю, ты поймешь изъ моего молчанія, что я хочу сказать.

Заноби писалъ Боккаччо объ удивительномъ, чудовищномъ⁴⁾ самообладаніи, которое обнаружилъ Аччьяйоли при вѣсти о кончинѣ сына. Боккаччо дивится разсказу и не иронизируетъ: оказывается, что Аччьяйоли не только выслушалъ вѣсть, не проливъ слезъ, не измѣнившись въ лицѣ, но тутъ-же отвѣчалъ на соболѣзнованія, пространно и витевато⁵⁾, не дрогнувъ голосомъ, что о мертвыхъ нечего болѣе заботиться. О славное, неслыханное дѣло! о неистощимая крѣпость духа! Онъ оставилъ за собою Эмиля Павла, Анаксагора, Ксантиппа; великое дѣло не обнаружить волненія движеніемъ лица, нѣсколькими словами—но ободрить другихъ, сѣтующихъ, пространною рѣчью—это вещь неслыханная. Тебѣ и другимъ, болѣе меня знающимъ⁶⁾, надлежитъ воспѣть все это для потомства; по правдѣ его зовутъ «великимъ», его нельзя называть человѣкомъ, онъ божественъ⁷⁾). Если бы ты не писалъ мнѣ о томъ, а тебѣ я привыкъ довѣрять всецѣло, я сказалъ-бы что все это—басни.

1) *Ne me tranquilla sequentem diceret.*

2) *O utinam possibilitati mihi mens aequa esset, aut e contrario menti possibilis aequaretur!*

3) *Quam ingens animus modico sistat in pectore.*

4) *Monstruosam.*

5) *Prolixa atque accurata dicacitate.*

6) *Me magis valentium.*

7) *Non hominibus adscribendus, sed superis.... vir Deus.*

О покойномъ многое можно было бы сказать, но я предоставлю это твоему пѣснопѣнію, продолжаетъ Боккаччо, рассказывая далѣе о торжественныхъ похоронахъ, о рѣчи, произнесенной какимъ то почтеннымъ богословомъ¹⁾, цитуя при томъ Виргилія²⁾.

Если ты здоровъ и у тебя во всемъ удача, я тому радуюсь; еще болѣе, если ты—позналъ самого себя. Думалъ я будущимъ лѣтомъ посѣтить въ Неаполь тебя и твоего господина, а моего отца, епископа флорентійскаго (впослѣдствіи монтекассинскаго, Анджело Аччьяйоли)³⁾, но думаю, что брошу это намѣреніе; какъ сказано, боюсь, чтобы не назвали меня искателемъ благополучій⁴⁾.

Видѣль я и одобряю твое стихотвореніе противъ флорентійцевъ: въ немъ много правды, даль бы Богъ, чтобы оно стало извѣстно всѣмъ нашимъ согражданамъ, какъ мнѣ; тогда оно, пожалуй, принесло бы пользу. Не знаю: судьба ли насть увлекаетъ, или мы сами добровольно влечемся къ гибели. Злая зависть⁵⁾ и страшное любостяженіе заставили и нашихъ правителей и всѣхъ забыть добро и правду; азіатская роскошь погубила когда то грековъ и римлянъ, насть погубить наша собственная. Какой стыдъ и какое малодушіе!⁶⁾. Какъ потѣшны иные люди, изнѣженные, преданные разврату⁷⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ мнящіе себя рожденными подъ звѣздой суроваго Марса! Такъ да пошлетъ мнѣ Господь миръ въ моихъ бѣдахъ и будущихъ, быть можетъ, скиталяхъ, какъ и теперь уже мнѣ милѣе прозвище по Чертальдо, чѣмъ по Флоренціи.

Ты спросишь меня послѣ всего этого, какъ мнѣ живется въ такомъ расторженномъ⁸⁾ городѣ? По обыкновенію, обще-

1) Cujusdam egregii theologi.

2) Aen. VII, 812 слѣд.

3) См. выше стр. 167.

4) Ne felicitatum sectator vocer.

5) Livor edax.

6) Ignavia.

7) Incestuosissime Veneri.

8) Ancipiti.

*

ственныя и свои дѣла отвлекаютъ меня противъ воли; вскорѣ послѣ твоего отѣзда я сошелся, какъ то часто дѣлывалъ прежде, поощряемый Сенекой, и по моему, очень дружно — съ нищетой; по недавно слабое вѣяніе лучшей доли внезапно нарушило этотъ союзъ и ввергло меня, почти освободившагося, въ прежнія цѣпи, такъ что я, уже увѣренный, что принадлежу себѣ, сталъ почти не своимъ — и двоюсь¹⁾). Видишь, что я за человѣкъ; Богъ дасть, и этому будетъ конецъ. Извини, что расписался, это потому, что рѣдко пишу, да и сюжетъ увлекъ. Поклонись, кому хочешь, особенно нашему Барбату, и будь здоровъ, мой учитель.

Постараемся проникнуть въ психологію боккаччьевскаго письма. Вѣсть о смерти Лоренцо пробудила въ Боккаччо чувство состраданія, человѣческія чувства, которыя онъ питалъ къ Аччьяйоли, и онъ провѣрилъ свои отношенія къ нему, вспомнилъ свое бѣгство изъ Неаполя и обвинилъ — не себя. Обвиненіе падаетъ на Аччьяйоли, но пока не открыто, не съ откровенностью письма, которое въ 1363 году Боккаччо напишетъ Франческо Нелли. Всю тяжесть признанія и косвенное обличеніе выдерживаетъ Заноби; Аччьяйоли пусть о томъ не знаетъ — хотя, быть можетъ, Боккаччо разсчитываетъ и на противное; пусть Заноби выслушаетъ его исповѣдь, если онъ ему другъ, *какъ онъ полагаетъ*; но вѣдь онъ такъ занятъ въ королевскихъ совѣтахъ! Боккаччо привыкъ вѣрить каждому его слову — и приводить его неумѣренныя, баснословныя похвалы стоицизму своего патрона. Разумѣется, Заноби воспоетъ его; у Боккаччо не хватитъ пера; онъ впрочемъ не изъ тѣхъ, кто воспѣваетъ и льститъ, за то онъ умѣеть сострадать! Пусть это знаетъ Заноби; еще лучше — если *познаетъ себя*.

VII.

Несомнѣнно, по возвращеніи изъ Неаполя Боккаччо пере-

1) Fere alienus in pendulo dubitarem.